

Сухов Сергей Владимирович

ОБ ОСНОВНОЙ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ "СЕБЕ" В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются основные аспекты функционирования глагольной формы с частицей "себе" в современном русском языке. Показано, что для глаголов, с которыми преимущественно употребляется частица "себе", основной ее функцией является акцентирование свойственного лексическому значению этих глаголов аспекта замкнутости действия в субъектной сфере. Это акцентирование происходит при наличии одного или нескольких дополнительных контекстных значений (длительности, противопоставленности, комфортности, оценочности, желаемой замкнутости в субъектной сфере). Акцентирование этих аспектов значения глагольной формы прагматически воспринимается как появление нового значения у глагола. Изложены основные результаты оригинального эксперимента, подтверждающие выдвинутые гипотезы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 166-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'367.365

Филологические науки

В статье рассматриваются основные аспекты функционирования глагольной формы с частицей «себе» в современном русском языке. Показано, что для глаголов, с которыми преимущественно употребляется частица «себе», основной ее функцией является акцентирование свойственного лексическому значению этих глаголов аспекта замкнутости действия в субъектной сфере. Это акцентирование происходит при наличии одного или нескольких дополнительных контекстных значений (длительности, противопоставленности, комфортности, оценочности, желаемой замкнутости в субъектной сфере). Акцентирование этих аспектов значения глагольной формы прагматически воспринимается как появление нового значения у глагола. Изложены основные результаты оригинального эксперимента, подтверждающие выдвинутые гипотезы.

Ключевые слова и фразы: частица «себе»; прагматизация семантики; эксперимент; замкнутость действия в субъектной сфере; дополнительные контекстные значения.

Сухов Сергей Владимирович

*Московский педагогический государственный университет
ser18442008@yandex.ru*

ОБ ОСНОВНОЙ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ «СЕБЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Традиционная русская грамматика выделяет среди русских частиц морфологические (точнее, морфолого-синтаксические) частицы, участвующие в образовании определенных форм слова (бы, -ка и др.), отрицательные частицы (не, ни), и наиболее многочисленный класс субъективно-модальных частиц, видоизменяющих смысловые оттенки отдельных слов и целых предложений [12, с. 550-552]. Более современная точка зрения трактует этот последний, интересующий нас в связи с нашей темой, класс частиц как в первую очередь выражающие отношение автора высказывания к контексту высказывания [8, с. 15-17]; т.е., упор переносится с отдельного слова, связанного с частицей, на контекст, в котором она функционирует, и содержание этой функции перемещается из плана семантики в план прагматики.

Нам представляется, что, по крайней мере, в некоторых случаях различие этих двух подходов не столь велико, как может показаться на первый взгляд. Это относится, в частности, к рассматриваемой нами в данной статье частице «себе». В самом деле, эта частица при своем употреблении всегда совершенно определенно тяготеет к конкретному слову – глаголу, к которому в современном русском языке она тесно примыкает, находясь в большинстве случаев (хотя не всегда) в ближайшей постпозиции. С другой стороны, реализация этой частицей своих функций в высказывании и, более того, сама возможность ее употребления обусловлена свойствами контекста, точнее, его текстовой составляющей. Точно так же и прагматический аспект значения этой частицы не может быть понят без учета ее тесной связи с семантикой глагола, с которым она связана.

В русском языке частица «себе» чаще всего употребляется в сочетании с глаголами, выражающими длительно протекающий и лишенный объекта процесс или нахождение в каком-либо состоянии – «спит себе», «лежит себе», «сидит себе», «живет себе», «идет себе», «плывет себе» и т.д. Такого типа глаголы, принципиально непереходные и выражающие действие, совершающееся в сфере субъекта этого действия, в первых русских грамматиках были отнесены к глаголам т.н. среднего залога [7, с. 482], а позднее трактовались как глаголы с медиальным («средним») значением [1, с. 478].

В результате проведенных исследований нами было выдвинуто предположение, что функция частицы «себе» в сочетании с данными глаголами заключается в том, что она акцентирует уже присущие им указанные выше характерные черты семантической структуры – замкнутость процесса в субъектной сфере. Можно в определенном смысле сказать, что данная частица «прагматизирует их семантику».

Подобное акцентирование данной семантики (и, следовательно, само употребление частицы «себе») возможно при такой структуре текстового окружения данной частицы, которое обуславливает наличие у глагола, сочетающегося с данной частицей, дополнительных значений – длительности, противопоставленности другому действию (выраженному, как правило, глаголом без частицы «себе»), оценочности, субъективного удобства для совершающего действие (комфортности), желаемой замкнутости действия в сфере субъекта (при сочетании частицы «себе» с глаголом в повелительном наклонении).

Употребление глагола с частицей «себе» в контексте, где это сочетание имеет дополнительное значение длительности действия, можно иллюстрировать такими примерами:

«Кто-то, не помню кто, правильно сказал, что жизнь – это река, река времени. Течет себе и течет. На смену одной волне приходит другая, потом третья. Появится на волне щепка, покружится, проплывет перед тобой и исчезнет» [13, с. 446].

В данном отрывке текста, кроме удвоения глагола с частицей «себе» (течет себе и течет), дополнительное значение длительности у глагольной формы с частицей «себе» вытекает также из всей обрисованной в тексте ситуации: жизнь – бесконечная река времени.

«А Володька Боков ... как дерганет ручку. <...>

А поезд между тем враз не остановился.

Публика говорит:

– Враз и не может поезд останавливаться. Хотя и дачный поезд, а ему после тормоза разбег полагается – двадцать пять саженей...

А поезд между тем идет и идет себе» [5, с. 100].

В обоих приведенных примерах глагол с частицей «себе» дублируется повторением того же глагола без данной частицы, что является обычным для контекста, где такой глагол имеет дополнительное значение длительности. Однако наличие дополнительного значения имеет место и без повторения глагола:

«Князев вместе со всеми перешел улицу и пошел себе не спеша по той стороне улицы – просто так, от нечего делать: до поезда было еще далеко» [16, с. 321].

В данном контексте дополнительное значение длительности вытекает из содержащихся в контексте прямых указаний – «не спеша», «до поезда было еще далеко».

Дополнительное значение удобства и комфортности для субъекта действия встречается у глаголов с частицей «себе» довольно часто, при этом данная комфортность обычно прямо обозначается в высказываниях либо самого говорящего о себе в первом лице, либо в высказываниях, относимых к субъекту, как в следующих примерах:

«Петров-Тянуев так ей говорит: "...я, говорит, сам очень огорчаюсь, что я не дама, я бы, говорит, свободно заимел тогда легкую и приятную жизнь. Я бы, говорит, ходил себе по садам, ходил бы по бульварам..."» [5, с. 165];

«Что же делать теперь? Куприяныч в поисках пути, наверно, забрался куда-нибудь далеко, нашел большой муравейник, выкопал в снегу до земли яму, перегреб муравейник, поджег, нагрел место, завернулся в полушубок и спит себе» [10, с. 156].

Во втором из приведенных примеров указание на комфортность действия для субъекта выражено в контексте подробным перечислением приготовлений к удобному ночлегу.

Следует отметить, что в языке художественной литературы и городского фольклора встречается пародийное обыгрывание такой комфортности с помощью сочетания частицы «себе» с глаголами, в своем буквальном смысле никакой «комфортности» не подразумевающими, как, например, в сочиненной беспризорными 1930-х гг. пародии на текст предсмертного письма В. В. Маяковского:

«В столе лежат две тыщи,
Пусть фининспектор взыщет,
А я себе спокойненько умру» [14, с. 308].

Употребление глагольной формы с частицей «себе» в ситуации противопоставленности другому действию (выраженному глаголом без этой частицы) является одним из наиболее частых. В большинстве случаев это противопоставление обозначено противительным союзом «а» или его эквивалентами:

«Моня сидел в горнице, смотрел в окно. <...> Слава богу, хоть тут-то все ясно, думал Моня. Солнце всходит и заходит, всходит и заходит – недосыгаемое, неистощимое, вечное. А тут себе шуруют: кричат, спешат, трудятся, поливают капусту...» [16, с. 360];

«Ведь вот немецкая (машина) была... господи, бывало, едешь, руки с руля снимешь, везет себе, матушка, прямо, как по ниточке, а эта, демон, так и гляди за ней... вишь, как мудрует! Ты ее вправо гнешь, а она влево берет» [11, с. 194].

В некоторых случаях, однако, эта противопоставленность не обозначена противительным союзом, а подразумевается в структуре высказывания:

«Ну, кто тебе директиву соваться дал – скажи, пожалуйста, кто? Жил бы себе молча и убого, как остальные два миллиарда живут» [9, с. 22].

В ситуации дополнительного значения желаемого замыкания действия в субъектной сфере глагол с частицей «себе» выражен формой повелительного наклонения:

«Ты, когда сходить по сходим будешь, повернись к матросу... а с контролером и не разговаривай. При себе прямо» [2, с. 117].

Иногда в данном контексте глагол с частицей «себе» выражен формой условного наклонения с побудительным значением:

«И какого черта я с вами связался? Зачем вы мне, собственно говоря? Поехали бы себе домой, в загс. Там вас покойнички ждут, новорожденные. Не мучьте младенцев. Поезжайте!» [6, с. 187].

В контексте, создающем возможность употребления частицы «себе», может также присутствовать дополнительное значение оценочности действия, выраженного данной частицей. Однако наше исследование позволило прийти к выводу, что выраженная оценочность присутствует всегда только в сочетании с другим дополнительным значением, как в нижеследующем примере у глагольной формы с частицей «себе» присутствует также ясное из общего контекста дополнительное значение длительности действия:

«Был я на станции в прошлом месяце; директор проезжал, так я его видел. Имел такую честь. Едет себе в отдельном вагоне; вышел на платформу, стоит, цепь золотую распустил по животу, щеки красные, будто налитые... Напился нашей крови» [3, с. 310-311].

Подобные примеры ярко выраженной оценочности (в данном случае негативной), по нашим наблюдениям, нечасты.

Следует отметить, что и другие дополнительные значения контекста глагольной формы с частицей «себе» встречаются чаще всего в ситуациях, где наличествуют два или более таких значения. Это можно видеть в большинстве приведенных выше примеров.

Однако в данной статье нам представлялось важнейшим рассмотреть той гипотезы, что основной функцией частицы «себе» для большинства сочетающихся с ней глаголов является акцентирование значения замкнутости

действия в субъектной сфере, которое присуще этим глаголам. Возможно ли более конкретное рассмотрение того, какие именно семантические и прагматические сдвиги происходят при такого рода акцентировании?

Для целей указанного рассмотрения был проведен эксперимент, в рамках которого участникам предлагалось сопоставить две распространенные фразы (которые можно рассматривать как вербализацию некоего контекста), различающиеся только наличием / отсутствием частицы «себе» при глаголе:

«Сидит уже полчаса, ни на кого не смотрит, всем видом показывает, как ему здесь хорошо»;

«Сидит себе уже полчаса, ни на кого не смотрит, всем видом показывает, как ему здесь хорошо».

Этот искусственно придуманный контекст употребления частицы «себе» отличается от обычно встречающихся в естественных текстах только лишь наличием сразу трех эксплицитно подчеркнутых дополнительных значений у формы с частицей «себе»: значения длительности (уже полчаса), значения противопоставленности – ни на кого не смотрит (подразумевается: а мог бы посмотреть), значения комфортности – как ему здесь хорошо. Кроме того, в данном контексте можно достаточно легко усмотреть и оценочное (негативно-ироническое) значение высказывания.

Все эти значения просматриваются, однако, внешне так же ясно и в контексте употребления глагольной формы без частицы «себе» (первый пример).

Участникам эксперимента было предложено в установленное время (5-7 минут) в свободной форме, без применения специальной терминологии, изложить свое восприятие того, что именно меняет добавление частицы «себе» при глаголе. Избранная нами форма свободных ответов (вместо ответов на готовые конкретные вопросы), по нашему предположению, позволяла рассмотреть особенности восприятия формы с частицей «себе» в обстановке, характерной для естественной речи. Предполагаемые аспекты ответов (семантический, прагматический, стилистический) также никак заранее не обозначались. Специально оговаривалась возможность «нулевого» ответа (т.е., что наличие частицы «себе» ничего не изменяет).

Все участники эксперимента (75 человек, студенты-филологи 1-2 курсов) отметили наличие ряда изменений, свидетельствующих об активной функции частицы «себе». «Нулевой» ответ не был дан ни разу.

Подавляющее большинство ответов содержало указания на то, что наличие частицы «себе» акцентирует замкнутость действия в сфере субъекта. Приведем, с сохранением оригинальных особенностей, ряд ответов указанного содержания:

«Частица “себе” усиливает выразительность второго предложения, подчеркивая то, как человек ушел в себя, свои мысли, не обращая внимания ни на кого вокруг»;

«На мой взгляд, частица “себе” дает фразе более глубокий смысл. Данная частица может сказать о человеке, что он немного закрыт, замкнут, возможно, является больше интровертом, чем экстравертом. Частица несет в себе некую отторженность»;

«В первом предложении кажется, что человек думает о времени, он сосредоточен на нем. Во втором случае он занят своими мыслями, его не тревожит течение времени»;

«Частица “себе” в данном случае несет смысловую нагрузку. Оно позволяет понять, что человек принадлежит только себе в данный момент».

В нескольких ответах воспринимающие даже сочли, что частица «себе» полностью меняет смысл текстового отрывка:

«Частица “себе” изменяет смысл предложения. Ощущение, что человек, наоборот, чувствует себя плохо в этой компании. По моему мнению, этому человеку одиноко».

Следует отметить, что многие ответы, которые давали участники эксперимента – студенты, оказались весьма близки к тем трактовкам значения частицы «себе», которые давали те весьма немногочисленные исследователи XIX-XX вв., которые, по нашему мнению, наиболее точно отразили специфику этого значения, как например, И. И. Давыдов [15, с. 161] или И. Заичкова [4, с. 68]. При подготовке эксперимента участникам был задан вопрос о знакомстве с лингвистической литературой о частице «себе». Были получены отрицательные ответы, достоверность которых не вызывает сомнения, поскольку проблематика, связанная с этой частицей, весьма мало известна даже среди профессионалов.

Во многих ответах отмечено наличие в ситуации, связанной с частицей «себе», дополнительных значений комфортности и оценочности, причем эти значения связывались авторами ответов с основным значением замкнутости действия в субъектной сфере. Типичные ответы:

«Действие с частицей “себе” показывает человека, погруженного в какое-либо занятие. Он ничем не отягощен, ему ничего не доставляет дискомфорта или напряжения»;

«Частица “себе” говорит о каком-либо человеке, который погружен в себя и не реагирует на внешнюю среду. Обычно такое поведение вызывает у людей отрицательные эмоции и негативную оценку такого человека».

Любопытно, что только незначительное меньшинство ответов выдвигает на первый план стилистическую функцию частицы «себе», как, например, в таком ответе: «Во втором случае частица “себе” придает предложению более простой, разговорный вид».

Подобное восприятие этой частицы совпадает с нашим предположением, сделанным на основе анализа текстов художественной литературы и наблюдений за разговорной речью, что частица «себе» отнюдь не имеет подчеркнутой стилистической характерности, связывающей ее с низшими сферами разговорного стиля.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет то, что почти все участники эксперимента восприняли появление частицы «себе» как создание качественно новой характеристики значения глагольной формы и ее контекста в целом. Объективно это, разумеется, не так. Использованный в эксперименте глагол «сидеть» сам по себе выражает процесс, ограниченный сферой субъекта, а отмеченные участниками эксперимента дополнительные контекстные значения (комфортность, оценочность) присутствуют и без наличия частицы «себе».

Очевидно, однако, что частица «себе» акцентирует основное значение глагола в аспекте его замыкания в субъектной сфере, «собирает в пучок» определяемые контекстом дополнительные значения глагольной формы и делает все эти значения прагматически действенными – настолько, что глагол, сопровождаемый частицей «себе», воспринимается сознанием большинства говорящих на русском языке как носитель некоего нового значения.

Список литературы

1. **Виноградов В. В.** Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1986. 656 с.
2. **Гайдар А. П.** Избранные произведения: в 3-х т. М., 1986. Т. 1. 316 с.
3. **Гаршин В. М.** Рассказы. М., 1989. 335 с.
4. **Занчкова И.** Дательный беспредложный в современном русском литературном языке. Praha: Universita Karlova, 1972. 265 с.
5. **Зощенко М. М.** Избранное. М., 1981. 593 с.
6. **Ильф И., Петров Е.** Двенадцать стульев. Золотой теленок. Одесса, 1958. 510 с.
7. **Ломоносов М. В.** Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 7. 923 с.
8. **Николаева Т. М.** Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 2004. 382 с.
9. **Платонов А. П.** Ювенильное море. Котлован. Чевенгур. М., 1989. 489 с.
10. **Пришвин М. М.** Собрание сочинений: в 8-ми т. М., 1984. Т. 6. Осударева дорога; Корабельная чаща / подгот. текста и коммент. В. Чуваков; коммент. В. Д. Пришвина, Л. А. Рязанова. 440 с.
11. **Романов П. Р.** Повести и рассказы. М., 1990. 424 с.
12. **Русская грамматика** / под ред. академика В. В. Виноградова. М., 1960. Т. 2. Синтаксис. 761 с.
13. **Рыбаков А. Н.** Повести. М., 1971. 630 с.
14. **Следственное дело В. В. Маяковского.** М., 2005. 514 с.
15. **Шведова Н. Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 279 с.
16. **Шукшин В. М.** Рассказы. М., 1979. 383 с.

ON THE MAIN FUNCTION OF THE PARTICLE “ITSELF” IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Sukhov Sergei Vladimirovich
Moscow State Pedagogical University
ser18442008@yandex.ru

The article examines the main aspects of functioning of the verbal form with the particle “itself” in the modern Russian language. It is shown that for the verbs with which the particle “itself” is mainly used, its principal function is the emphasis of the aspect of the closure of action in the subject sphere, inherent to the lexical meaning of these verbs. This emphasis takes place in the presence of one or several extra contextual meanings (duration, opposition, comfort, evaluation, the desired closure in the subject sphere). Emphasizing these aspects of the meaning of the verbal form is pragmatically perceived as the emergence of a new meaning of a verb. The main results of the original experiment, which prove the offered hypothesis, are described.

Key words and phrases: the particle “itself”; the pragmatizing of the semantics; experiment; closure of action in the subject sphere; extra contextual meanings.

УДК 821.111

Филологические науки

В литературе тема опиумной зависимости получила развитие во многом благодаря именно «Исповеди англичанина, любителя опиума» Томаса Де Квинси, в которой впервые была затронута острая психологическая проблема формирования наркозависимости. В статье подчеркивается сюжетная и стилистическая близость «Исповеди» Де Квинси и произведений Ч. Диккенса, У. Коллинза, Н. В. Гоголя, Э. А. По, где героями также являются опиоманы, что позволяет говорить об определенном влиянии «Исповеди» на творчество ряда авторов, выделяющих, однако, иные аспекты проблемы.

Ключевые слова и фразы: образ наркомана; наркозависимость; Томас Де Квинси; опиумные видения; романтизм; мистицизм.

Талагаева Юлия Александровна, к. филол. н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы (филиал) в г. Балашове
talag-yulia@yandex.ru

**ВЛИЯНИЕ «ИСПОВЕДИ АНГЛИЧАНИНА, ЛЮБИТЕЛЯ ОПИУМА» Т. ДЕ КВИНСИ
НА РАЗВИТИЕ ТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАРКОЗАВИСИМОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА** ©

Проблема наркозависимости, особенно актуальная в наши дни, впервые была описана в художественной литературе в XIX веке. В тот период широкое распространение получил опиум, который продавался в аптеках